

ИСТОРИЯ ЧАРЛЬЗА ДЕКСТЕРА ВАРДА

Основные соли животных могут быть приготовлены и сохранены таким образом, что изобретательный муж воссоздать способен весь Ноев ковчег в лаборатории своей и всякую прекрасную животную форму поднять из праха по желанию своему. Также из основных солей останков человеческих ученых муж способен, не прибегая к черному поруганию мертвых, форму любого предка из пепла возродить, где бы тело оною огню ни предали.

Борель¹

¹ Пьер Борель (1620–1671) — врач родом из французского города Кастра. В 1653-м обосновался в Париже, был назначен личным врачом короля, в 1674 году был принят в Академию наук. Автор многих трудов по химии, медицине, оптике, метафизике. Цитата, приводимая Лавкрафтом, как было установлено исследователем его творчества Джоном Дорфманом в 1989-м, является не прямой ссылкой к какому-либо конкретному труду Бореля, а перифразом пуританского проповедника, моралиста, биолога и медика Коттона Мэзера (1663–1728), происходящим из его фундаментального труда «*Magnalia Christi Americana*» («Великая История Христа в Америке»). — *Здесь и далее прим. переводчика.*

ГЛАВА 1. ИТОГ И ПРОЛОГ

1

Из частной лечебницы для душевнобольных близ Провиденса, штат Род-Айленд, недавно исчезла чрезвычайно необычная личность по имени Чарльз Декстер Вард. На принудительное лечение сего молодого человека определил, скрепя сердце, обеспокоенный отец, на чьих глазах незначительные странности в поведении сына переросли в зловещую манию с предрасположенностью к насилию, подкрепленную глубокими изменениями в характере и образе мыслей. Врачи признавали, что совершенно сбиты с толку его случаем, так как он был отмечен причудами как общего физиологического, так и психологического характера.

Во-первых, пациент казался на удивление старше своих двадцати шести лет. Умственное расстройство, то верно, быстро старит человека; но на лицо юноши легла удручающая печать, свойственная лишь людям весьма преклонных лет. Во-вторых, органические процессы его организма сделались странным образом рассогласованными — и ничто из обширного медицинского опыта не могло пролить свет на суть их нарушения. Дыхание, равно как и сердечная деятельность, страдали поразительным отсутствием ритмичности, голос едва ли не пропал — говорить у Варда выходило лишь шепотом. Процесс пищеварения, небывало заторможенный, почти совсем сошел на нет, а нервные реакции на стандартные раздражители не имели никакого отношения ни к чему ранее изученному — ни к норме, ни к патологии. Кожа была болезненно холодной и сухой, а клеточная структура тканей казалась чрезмерно грубой и слабо упорядоченной. Даже большое оливковое родимое пятно на правом бедре исчезло, а на груди образовалась очень своеобразная отметина, коей прежде и следа не бывало. Единственное, что могли констатировать врачи в связи с Вардом, — метаболизм пациента претерпел невообразимые изменения.

Психологически Чарльз Вард был также уникален. Его безумие не имело ничего общего ни с одним расстройством психики, описанным даже в самых современных и исчерпывающих трактатах, и проявлялось оно в совокупности с умственной силой, которая сделала бы Варда гением или лидером, если бы не те странные и гротескные формы, что обрели его личностные качества. Доктор Уиллет, семейный врач Варда, утверждал, что изрядные умственные способности пациента, если рассматривать

их независимо от душевной хвори, после первого срыва стали и вовсе незаурядными. Конечно, Вард всегда был прирожденным ученым и ценителем старины, но даже самые блестящие из его ранних трудов не демонстрировали ни ту хватку, ни ту поразительную прозорливость, которые он проявлял во время дознаний алиенистов¹. Поистине нелегко было добиться законного согласия на госпитализацию — настолько сильным и ясным казался ум юноши; и только свидетельства со стороны и непостижимые провалы в знаниях (и это — при уникальной образованности!) позволили в конце концов отлучить его от общества. До самого момента своего исчезновения Чарльз Декстер Вард оставался заядлым читателем и настолько активным собеседником, насколько позволял его севший голос. Проницательные наблюдатели, не сумевшие, впрочем, предвидеть его бегства, были уверены, что такому светлому уму недолго придется томиться в неволе.

Лишь доктор Уиллет, принявший Чарльза в этот мир и с тех пор наблюдавший за ростом его тела и ума, казалось, пугался одной лишь мысли о его будущей свободе. Пережив непростой опыт и сделав одно страшное открытие, о коем он не решился поведать своим скептически настроенным коллегам, доктор сам по себе сделался одной из загадок, связанных с делом Варда. Он последним видел пациента перед побегом и после разговора с ним явно испытывал ужас и облегчение, о чем вспоминали видевшие его, когда три часа спустя стало известно о пропаже Варда из больницы, так и оставшейся неразрешенной загадкой. Возможно, о чем-то говорило распахнутое окно — но выходило-то оно на отвесную стену восемнадцатиметровой высоты! Так или иначе, после разговора с Уиллетом юноша бесследно исчез. Сам доктор не представил каких-либо объяснений, но многие отметили, что он стал вести себя подозрительно спокойно — не в пример спокойнее, чем до бегства Варда. Чувствовалось, что он охотно рассказал бы о пациенте намного больше, если бы думал, что сколько-нибудь значительное число людей поверит ему. Уиллет еще застал Варда в его покоях, но вскоре после его ухода медсестры на дежурстве попытались дозваться больного — и никакого ответа не получили. Дверь в палату отперли; внутри никого не оказалось, лишь задувал в распахнутое окно стылый апрельский ветер, разгоняя по

¹ В описываемое Лавкрафтом время считалось, что люди, страдающие психическими расстройствами, «отчуждены» от своей истинной сущности, поэтому специалистов, изучающих данный тип расстройств, называли алиенистами (от англ. alien — чужой, отчужденный).

полу голубовато-серую пыль непонятного происхождения, обладавшую весьма затхлым, удушливым запахом. Немногим раньше собаки подняли беспричинно понурый вой, но в то время доктор Уиллет еще находился с Вардом, да и успокоились животные сравнительно быстро.

Отцу юноши сразу же сообщили о случившемся по телефону, но он показался скорее опечаленным, чем удивленным. К тому времени, когда глава лечебницы доктор Уэйт позвонил ему лично, доктор Уиллет уже разговаривал с ним, и оба отрицали свою причастность к побегу. Только от некоторых близких друзей Уиллета и Варда-старшего были получены разъяснения — слишком, впрочем, фантастичные, такие, что трудно принять на веру. Один лишь факт остается фактом — до настоящего времени не было обнаружено никаких следов беглого безумца.

Как уже было упомянуто, Чарльз Вард с младых ногтей увлекся стариной. Свой вкус, без сомнения, он выработал за счет почтенных лет города, в котором проживал; свою роль сыграли и реликвии минувших дней, наполнявшие каждый уголок старого особняка его родителей, стоявшего на Проспект-стрит на вершине холма. С годами его преданность древним вещам возрастала, так что история, генеалогия и изучение колониальной архитектуры, мебели и ремесел вытеснили все остальное из сферы интересов Варда. Эти пристрастия важно помнить при рассмотрении его безумия, ибо хотя они и не образуют его абсолютного ядра, все же играют заметную роль в его поверхностных проявлениях. Пробелы в информации, на которые обращали внимание алиенисты, были связаны с современностью — и неизменно компенсировались соответствующими чрезмерными, хотя и внешне скрытыми знаниями о прошлом, выявляемыми искусными расспросами; так что можно было подумать, что пациент буквально переносится в прошедшую эпоху посредством какой-то неясной разновидности самогипноза. Еще больше изумляло то, что интерес Варда к старине внезапно иссяк; сполна удовлетворив его, все силы своего ума он бросил на познание окружающего мира, сведения о коем вдруг улетучились из его памяти. Сей факт Чарльз Вард пытался всячески скрыть, но для многих вполне очевидным казалось, что его жажда к чтению и беседам объясняется отчаянными попытками наверстать упущенное, вобрать как можно больше знаний о собственной жизни и культурно-бытовых особенностях современного мира — казалось бы, предельно очевидных для человека, родившегося в 1902 году и получившего современное надлежащее образование. После исчезновения Варда психиатры удивлялись, как удалось беглецу, почти

не разбиравшемся в перипетиях сегодняшнего дня, приспособиться и влиться в общество. Господствующий вердикт — Вард залег на дно, затаился, смирившись с самым примитивным бытом, до той поры, пока знаниями не сравняется с современниками.

Что же положило начало безумию благополучного члена общества? Алиенисты так и не сошлись во мнениях на сей счет. Профессор Лиман, известный бостонский авторитет, началом болезни полагает 1919 или 1920 год, когда мальчик учился в последнем классе школы Моисея Брауна и внезапно перешел от изучения истории к оккультизму, отказавшись попутно поступать в колледж на том основании, что ему предстояло провести гораздо более важные индивидуальные исследования. Это, безусловно, подтверждается изменившимися привычками Варда в то время, особенно его постоянными копаниями в городских архивах и поисками среди старых захоронений одной весьма конкретной могилы, заложенной в 1771 году. Лежал в той могиле далекий предок юноши, Джозеф Карвен, чьи личные бумаги Вард, по собственному признанию, ненароком обнаружил в старом квартале Стэмперс-Хилл, за облицовкой стены ветхого дома на улице Олни-корт, где когда-то пращур и жил. Как будто бы и нечего противопоставить мнению о том, что зимнее межгодье привнесло в ум Варда значительные перемены, сподвигнувшие забросить исторический курс и начать изучение оккультных дисциплин — как дома, так и за границей, — отличаясь попутно на поприще странно-настойчивых поисков могилы своего предка.

Однако доктор Уиллет существенно расходится во мнениях с профессором Лиманом, основывая свой вердикт на доскональном знании пациента, продолжительном знакомстве с ним и на некоторых наводящих страх открытиях, сделанных им в отношении последнего. Для доктора те изыскания не прошли даром — его голос дрожит, когда он заводит рассказ о них, и рука его нетверда при всякой попытке доверить их бумаге. Уиллет признает, что перемены на рубеже 1919-го и 1920-го годов задали начало кошмару года 1928-го, но считает, что ряд нюансов требует критического уточнения. И пусть Вард всегда был неуравновешен по темпераменту и склонен к фатальной впечатлительности и непредсказуемой рефлексии, не роковое межгодье ознаменовало в его случае фактический переход от здравомыслия к безрассудству. Здесь доктор Уиллет склонен верить словам самого пациента о том, что он открыл (или пробудил) нечто, глубоко и непостижимо воздействующее на человеческий разум. Истинное безумие, уверен Уиллет, пришло

с более поздними изменениями — после того, как был обнаружен портрет Карвена и древние документы; после путешествий Варда на чужбину и зловещих инвокаций, к коим он прибегал при странных, потаенных обстоятельствах; после того, как были ясно указаны некоторые последствия оной магии и полубезумного письма, написанного в горячечном состоянии ума. И это еще самые рациональные доводы в пользу доктора; а ведь не стоит забывать и о зловещих слухах из Потаксета, поминающих вампиризм, и тонких переменах в голосе и облике Варда, многими впоследствии подмеченных.

С присущей ему врачебной наблюдательностью — но притом не без заметной суеверной дрожи — Уиллет отмечает, что именно в то время у Варда проявились непостижимые качества, подтверждающие признание о находке, сыгравшей поворотную роль в его жизни. Прежде всего, двое надежных и здравомыслящих свидетелей доказывают нахождение тех старинных бумаг, что принадлежали предку Чарльза. Кроме того, сам Вард однажды разрешил доктору ознакомиться с несколькими документами, в том числе и страницей из дневника Джозефа Карвена, в чьей подлинности сомневаться попросту не приходилось. Стенную нишу, из коей Вард извлек бумаги, давно заделали, но много позже доктор Уиллет лицезрел находки вновь — в немыслимой, едва ли доказуемой обстановке. Ко всему следует присовокупить и те причудливые, исполненные скрытого смысла совпадения в письмах Саймона Орна и Эдуарда Хатчинсона, и особенности почерка Карвена, и информацию о некоем докторе Аллене, раздобытую детективами, а также и то устрашающее послание, начертанное угловатым почерком средневекового ученого, обнаруженное Уиллетом в кармане, едва доктор пробудился от забытья после одного рискованного приключения.

И убедительнее всего этого — двойной шокирующий итог применения доктором двух определенных формул во время своего последнего предприятия; итог, фактически доказавший неподдельность бумаг Карвена и скрытую в них угрозу — аккурат в тот час, когда бумаги те стали навечно закрытой страницей в истории человеческого знания.

2

На прежнюю жизнь Чарльза Декстера Варда уместно оглядываться как на столь же глубокую старину, сколь и реликвии древности, предмет его горячего обожания. Осенью 1918 года, проявляя немалый интерес

к военной подготовке былых времен, он поступил на первый свой курс в школе Моисея Брауна, расположенной совсем рядом с его домом. Старое главное здание, возведенное в 1819 году, всегда очаровывало его юношеское антикварное чутье, а просторный парк, в котором располагалась академия, привлекал его острый взор к пейзажу. Его общественная деятельность была достаточно скупа; долгие часы проводил он то дома, то в бесцельных прогулках, то на занятиях и за штудиями, в поисках антикварных и генеалогических данных — в городской ратуше и в здании администрации, в публичной библиотеке и в «Атенеуме»¹, на собраниях Исторического общества и в библиотеках Джона К. Брауна и Джона Хэя, в Университете Брауна и в совсем недавно открытом книгохранилище Шепли на Бенефит-стрит... Высокий, стройный, светловолосый, с чуть запавшими глазами и легкой сутулостью — таким был он в те дни. В одежде он позволял себе некоторую дозволенную его вкусом небрежность и производил впечатление этакого повесы — средней привлекательности и абсолютной безвредности.

Прогулки служили ему упражнениями в поисках исконного — и во время них Чарльз неизменно преуспевал в восстановлении из бесчисленных реликвий очаровательного старого города яркой и связной картины прошедших веков. Домом ему служил большой георгианский особняк на вершине почти отвесного холма, возвышающегося к востоку от реки, и из фасадных окон пристроек Чарльз созерцал с высоты скопление шпилей, куполов, крыш и высот нижнего города, тянущееся вплоть до переливающихся багрянцем сельских холмов. Здесь он родился, и от изящного классического крыльца при двуглавом кирпичном фасаде гувернантка впервые катала его в мальпосте мимо маленького белого фермерского домика двухсотлетней давности, который город давно уж прибрал к рукам, и дальше — к величественным колледжам вдоль тенистой роскошной аллеи, к коей примыкали живописные дворы старинных кирпичных особняков и маленьких деревянных домиков с узкими верандами, уставленными солидными колоннами дорического стиля².

Варда катали и вдоль сонной Конгдон-стрит, расположенной на один ярус ниже по крутому склону холма, со всеми ее восточными домами

¹ Библиотека в Провиденсе, основанная в 1836 году.

² Архитектурный стиль колонн, сложившийся в древней Греции в Дориде. Считался наиболее простым и крепким — колонны были лишены лепнины и сложных узоров, их «тело» имело некоторое утолщение — энтазис, как если бы сооружение и в самом деле подвергалось «тяжести небес», которые с усилием удерживало.

на высоких террасах. Маленькие деревянные постройки здесь были в среднем старше, ведь именно на этот холм «взбирался» растущий город; и во время этих прогулок мальчик впитал в себя пьянящую красоту колониального поселения. Гувернантка любила посидеть на скамейке на Проспект-террас и поболтать с молодым полицейским, тогдашним своим сердечным увлечением, и одно из первых детских воспоминаний Варда — увиденная с этой просторной, обнесенной заграждением насыпи картина простершегося в западной стороне необъятного моря крыш, куполов, шпилей и далеких холмов, подернутых легкой мглой, окрашенных в таинственный фиолетовый цвет на фоне полыхающего красным, пурпурным и золотым огнем заката, крапленого причудливыми зелеными сполохами. Огромный мраморный купол здания городской администрации темнел на фоне пламенеющих небес, венчающая его статуя вдавалась в подобный ореолу проем в слоистом облачном фронте — зрелище дивное, почти что фантазмагорическое.

И вот, когда Вард подрос, пришла пора его собственных городских одиссей — уже без гувернантки, нетерпеливо влекомой за тонкую руку, в одиночестве, в медитативно-мечтательном темпе. Все дальше и дальше сходил он по тому почти отвесному склону, с каждым разом достигая все более старых и причудливых уровней древнего города. Он осторожно спускался по вертикальной Джинкс-стрит с ее прибрежными твердынями и фронтонами в колониальном стиле, шел на тенистый угол Бенефит-стрит, где прямо перед ним предстал деревянный дом — настоящий архитектурный памятник, чьи дверные проемы окружали ионические анты¹. Неподалеку — просевшая под грузом лет усадьба с двускатной крышей при запущенном скотном дворе, а еще немного поодаль — большой дом судьи Дёрфи с его еще не до конца развеянным георгианским флером. Места эти мало-помалу заустевали, обращаясь в трущобы, но величественные вязы погружали старый город в реабилитирующую тень, и мальчик шагал дальше на юг, мимо длинных верениц дореволюционных домов, коронованных высокими трубами. Дома по восточной стороне улицы жидились на высоких фундаментах, к их дверям с разных сторон подходили каменные лесенки с перилами, и юный Чарльз воображал их новехонькими, недавно отстроенными, и перед его мысленным взором по тротуарам, ныне истоптанным и стертым, прохаживались в пышных париках и красных атласных туфлях обитатели прошлого.

¹ Анта (греч.) — прямоугольный столб или выступ, образованный продолжением стен здания, часто оформляющий оба конца портика или входа.

СОДЕРЖАНИЕ

История Чарльза Декстера Варда (роман).....	3
Глава 1. Итог и пролог	5
Глава 2. Предвестник и морок.....	15
Глава 3. Искание и воссоздание	47
Глава 4. Преображение и умопомрачение.....	74
Глава 5. Ужас и крах.....	100

РАССКАЗЫ

Вспоминая доктора Сэмюэла Джонсона.....	136
Тот Самус	143
Сокровищница Зверя-чародея	149
Убиение чудовища	155
Призрак в лунном свете	157
Тайная напасть.....	160
I. Тень на изразцах	160
II. Пред лицом бури.....	165
III. Багровый отсвет	171
IV. Глаза чудовищ	177

Старый сумасброд	182
Западня	191
Йигов сглаз	212
Кудри Горгоны.....	228
Кладбищенская история.....	267
Летучая смерть	281
Кошмар на пляже Мартина	308
Четвертый час утра	315
Поэзия и боги	319
Крадущийся хаос	327
Память	335

ГРИБЫ ЮГГОТА (поэзия)

Грибы Юггота	338
Немезида	355
Ундина, морская невеста.....	359